

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

распутывая сложнейший клубок монгольских передвижений, выясняет основы одного из крупнейших явлений мировой истории. Обилие приводимых фактов неизбежно влечет к выводам социологического порядка.

Если века XIV — XVI охарактеризованы все еще достаточно полно, то нельзя того же сказать о временах последующих. Особенно хотелось бы более подробного изображения Туркестана накануне русского завоевания и самого процесса завоевания. Новейший Туркестан, конечно, мог не входить в непосредственную задачу автора. Заканчивает свою книжку автор общим соображением о будущей судьбе русского Туркестана. «Будущность Туркестана, — говорит он, — как великой страны, зависит от того, какое положение будет принадлежать ему в мировой торговле. Торговое значение Туркестана, как капиталистической страны, всецело зависит от развития железнодорожных путей, восстановивших значение сухопутной торговли рядом с морской. Былое значение Туркестана для торговли с Дальним Востоком едва ли когда-нибудь будет восстановлено; мало вероятно, чтобы, рядом с сибирской дорогой, когда-нибудь был создан еще другой рельсовый путь в Китай через Туркестан; но остается еще нерешенным вопрос о будущем европейско-индийском рельсовом пути и о том, какое место в этом железнодорожном сообщении будет принадлежать Туркестану» (стр. 50).

В заключение нельзя не пожалеть, что ценнейшая книжка вышла плохо изданной на далекой окраине. Безусловно необходимо ее новое издание (с картами и, б. м., рисунками), как необходимо и новое издание переведенного теперь на английский язык классического исследования В. В. «Туркестан в эпоху монгольского нашествия».

И. Бороздин

— Сборник «Памяти Насырова». Казань. 1922. 8° стр. XXIV + 160.

По случаю 20-тилетия со дня смерти Абдул-Кайюма Насырова (1824 — 1902) Академический Центр Наркомпроса Татарской Республики, идя навстречу коммунистическим газетам («Татаристан», «Урал»), образовал комиссию (в составе С. Атнагулова, Губайдулина Газиза, Г. Ибрагимов), которая выпустила сборник, посвященный памяти основоположника просвещения среди татар. К сборнику приложен и эскизный портрет, заштрихованный Османом Арслановым. Редакция надеется недостатки сборника (которые она приписывает «саботажу» части татарской интеллигенции) исправить впоследствии — к недалекому столетию со дня рождения Кайюм-баба.

В сборник вошло восемь статей: 1) Г. Ибрагимов. «Историческое значение Насырова

и др.». Здесь редактор сборника рисует условия, в которых происходил в середине XIX века татарский «ренессанс», и отмечает заслуги представителей буржуазной культуры (муллы Х. Фейз-ханова, сотрудника акад. В. В. Вельяминова-Зернова; историка Ш. Мерджани, К. Насырова и других лиц, младшего поколения). Разрушая устои феодального быта, они пролагали народу новые пути. 2) Г. Рахим — «Биография Насырова» (и по размерам, и по интересу очерк занимает в сборнике центральное место); 3) А. Гаффаров — «Насыров в русской литературе»; 4) Г. Газиз — «Заслуги Насырова, как просветителя народа»; 5) Хаджа Беди — «Заслуги Насырова, как собирателя произведений устной татарской словесности»; 6) Дж. Валидов — «Татарский язык у Валидова»; 7) Г. Газиз — «Научные заслуги Насырова»; 8) Г. Ибрагимов — «На первых ступенях нового литературного татарского языка».

В сборнике представлен и сам Насыров: вторично помещен перевод его статьи «Поверья и обряды казанских татар» (в «Записках И. Р. Геогр. Общества по отд. этногр.», т. VI, был напечатан перевод, исполненный учеником Насырова, П. И. Масловским; оригинал был написан по-татарски, но потом, повидимому, затерялся). Насыров хорошо понимал значение русской культуры и сызмама тянулся к знанию, и это, разумеется, определило высокое качество его культурного подвига. Уже в медресе он тайно изучал русский язык, и за это неслыханное пошество был прогнан из училища. В течение 15-ти лет он преподавал татарский язык в русских духовных школах; работал он и под начальством акад. В. В. Радлова (тогда инспектора иностранных школ Казанского учебного округа), но скоро у них возникли разногласия о методе обучения. Насыров слушал лекции и в Казанском университете. Вращаясь среди русской обстановки, он усвоил и навык к научной работе, и В. В. Григорьев (в предисловии к очерку Насырова в «Записках Геогр. Общества») хвалил «научно-образные» его наблюдения.

За период времени с 1860 г. по 1900 г. Насыров издал 40 сочинений — учебников, словарей, переводных рассказов, сборников и т. д., и везде он преследует цели культурно-просветительные. В словаре («Лехдже и татари», возникшем, как показывает уже заглавие, под воздействием османского филолога, А. Вефика паши, слова иллюстрируются у него народнословесной фразеологией; в календарях (24 выпуска за период с 1871 г. по 1897 г.), на ряду с обычными сведениями, он предлагал материал исторический (в одном выпуске появилась, напр., история России, по Устрялову) народословесный. К народной словесности он питал предрасположение. После Г. Махмудова (составителя «Хресто-

матии) он собственно был первый собиратель произведений устного творчества; в сборнике «Кырк бакча» (1881 г.), особенно же в «Фавакихуль-джуляса» (1884 г.) — огромном переводном сборнике — он привел также значительный татарский материал (песни, пословицы, загадки). Он, видимо, полагал, что это — самое подходящее чтение, поэтому переводил с османского, напр., «Кабус-намэ», «Сорок визирей» (ведя по нему обучение уже в 70-х годах — в радловской школе).

Словом, Насыров был националист и, конечно, противник обрусительной политики. Ему дороги были татары; дорог был и татарский язык; на просвещение народа он отдал жизнь, он направлял усилия и на создание литературы (национальной) и языка (национального), подыскивая, напр., слова естественно-исторические; он освободил язык и от чагатайских архаизмов, и от «диктатуры арабщины» (выражение Г. Ибрагимова). Были, однако, у него и странности (отрицательное отношение к новометодным школам). Несмотря на заботы о народе, народ смотрел на него всетаки подозрительно, как на развратителя, безбожника, предавшего миссионерам. Но Насыров упорно шел по пути, раз им намеренному, и добился, по смерти, того, что татарский язык, как говорит Г. Ибрагимов, не только нашел художественное воплощение в современной литературе, но и изучается в университете Татарской Республики.

Вл. Гордлевский

— *Проф. Н. В. Кюнер.* Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры, читанные на 2-м курсе Восточного Института, ныне Восточного Факультета Государственного Дальневосточного Университета, в 1918—1919 году (Введение в Общую историю народов Центральной и Восточной Азии с древнейших времен до начала сношений их с новыми европейскими народами). — С тремя таблицами рисунков и двумя картами. Стр. 120. 4^о. Издание Н. В. Репина. Владивосток. Типография Государственного Дальневосточного Университета. 1921. Цена 2 руб. 50 коп. золотом. (По старой орфографии.)

«Практическое» преподавание восточных языков есть, в сущности говоря, порядочная химера, ибо язык в самом себе отнюдь не реальная величина, которую можно изучать тренировочным порядком. Поэтому, в 6. Восточном Институте г. Владивостока с самого же его основания — правда, как указывает проф. К., в замаскированном виде, — читался курс на тему о дальневосточной культуре, помогающий студентам высшего учебного заведения выйти из формального усвоения языка, как совокуп-

ности переводческих умений, в усвоение духовных основ, им движущих. Однако, подобная добавка к «практическому» курсу лишает его — может быть, лишь до известной степени, а может быть, и вовсе — «практического» характера и сильно приближает его к филологии. Необходимость сознательного усвоения восточных языков оспаривать, вероятно, не будет никто, и потому появление лекций проф. К. в печатном виде, делающем их доступными всем учащимся дальневосточным языкам, можно только приветствовать.

Тем более нужно это сделать, что сами лекции, по их прочтении человеком, который сам читает такой же курс, оказываются весьма интересными, достаточно полными и написанными легким, отчетливо определенным и удобоусвояемым языком.

На ничтожном сравнительно пространстве 120 страниц проф. К. касается весьма многочисленных вопросов, поставленных современной синологией, в курсе которой он, несомненно, стоит. Здесь и источники курса, и обзор вещественных, эпиграфических и литературных памятников, и археологические теории, и специальное проследование процесса зарождения и развития китайской культуры в ее факторах: территории, населения и власти.

Таким образом, перед нами первый оригинальный на русском языке курс лекций по китайской культуре, который, при усиливающемся интересе к Востоку со стороны некитаистов, сослужит нам большую службу. Как учебник, это пособие пока незаменимо, и единственно, чего можно было бы пожелать для дальнейшего издания, — это, во первых, несколько лучшее соответствие боковых заголовков содержанию; во вторых, несколько лучшую постановку вопроса о «треножниках и колоколах», каждающегося нам слишком экзотическим; а главное, — пересмотра всей эпиграфической и литературной частей (оценка Конфуция и др.), страдающих некоторой шаблонностью и большими неточностями.

Но и в этом виде «Лекции» вполне приемлемы, как учебник, и можно от всей души поблагодарить их составителя за этот подарок нам в такое трудное для учебников время и пожелать скорейшего выхода его и уже сданным в печать учебникам по географии и истории Дальнего Востока, оповещение о которых находим на обложке этих «Лекций».

В. А.

— *Г. Ибрагимов.* «Из истории движения татарских студентов». Казань. 1922. 16-е.

Автор вспоминает «трагикомическую» страничку из годов студенчества в Киеве (1912 — 1913 гг.). Через уфимских товарищей он вошел в студенческую среду, интересовавшуюся политическими вопросами.